

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ЗАКЛЕЙМЁННАЯ ВДОВА

КЛЮЧНИЦА
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

**Заклеймённая вдова.
Ключница генерала-дракона**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Заклеймённая вдова. Ключница генерала-дракона /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Беатрис Фелтон лишили имени, дома и свободы за преступление мужа. Последний шанс доказать невиновность — сорок дней в Ротвальде под надзором генерала-дракона Гектора Штайна, чей брат погиб из-за предательства Корвина. Но старые замки признают только её руку, крепость называет Беатрис хозяйкой, а фамильные ключи хранят память тех, кто открывал ими двери. Пока королевская комиссия готовит новый удар, Беатрис должна выяснить, кто вновь пытается распахнуть ворота врагу. Для этого ей придётся довериться мужчине, у которого есть все причины её ненавидеть. А Гектору — решить, что важнее: месть за брата или правда о женщине, которую он привык считать виновной. В Ротвальде каждая дверь хранит тайну. И только один выбор решит, станет крепость для Беатрис новой тюрьмой — или первым домом, который действительно принадлежит ей.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор ключнице	5
Глава 2. Крепость не признаёт генерала	19
Глава 3. Подпись среди пепла	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Приговор ключнице

В день, когда Беатрис должны были навсегда вычеркнуть из королевства, крепость назвала её хозяйкой.

Утром об этом ещё никто не знал.

На площади перед Королевским судом собралась такая толпа, словно столичным жителям обещали праздничное представление. Люди занимали ступени соседних домов, выглядывали из окон, стояли на крышах торговых галерей. На ограждение у судейского возвышения забрались мальчишки, которых стражники несколько раз прогоняли, но те возвращались, едва караульные отворачивались.

Беатрис поднялась на последнюю каменную ступень и остановилась там, куда указал конвоир. Подошвы скользнули по тонкой корке льда. Стражник придержал её за локоть, а затем сразу убрал руку, словно прикосновение к вдове предателя могло запятнать его мундир.

Ветер тянулся между зданиями, подхватывал края чёрной вуали и бросал в лицо мелкую ледяную крупу. Беатрис поправила ткань, закрывавшую волосы, и сцепила пальцы перед собой. Перчаток ей не оставили. Кожа побелела от холода, но дрожь она удерживала усилием, которому научилась задолго до ареста.

Корвин всегда замечал дрожащие руки.

Он называл их признанием вины даже тогда, когда сам становился причиной страха.

— Беатрис Фелтон, вдова Корвина Фелтона, — провозгласил судебный глашатай.

Гул на площади поднялся прежде, чем он успел прочитать обвинение.

— Предательница!

— На стену её!

— Она всё знала!

Чей-то комок грязного снега ударился о край возвышения и рассыпался у ног судьи. Второй пролетел ближе, задев подол вдовьего платья. Стражники развернулись к толпе, однако судья поднял ладонь, приказывая не вмешиваться.

Беатрис посмотрела на тёмное пятно, расплывавшееся по шерсти. Это платье сшили к похоронам её матери двенадцать лет назад. Позднее Корвин потребовал убрать его в дальний сундук, потому что не желал видеть жену в трауре дольше положенного срока. Теперь королевские служащие выбрали именно его, когда отобрали у неё всё остальное.

Дом, земли и драгоценности перешли короне. С фамильного герба сбили серебряного сокола. Портрет Корвина вынесли на площадь и сожгли после оглашения его приговора.

Самого Корвина похоронили без имени.

Беатрис оставили фамилию лишь затем, чтобы вместе с ней произнести слово «предатель».

— Подсудимая, поднимите лицо, — приказал королевский судья.

Она отвела вуаль назад.

На возвышении сидели трое, но говорил только старший судья. Его массивное кресло стояло под синим балдахином, украшенным золотой короной. По обе стороны от него располагались писцы, чьи перья двигались над листами, записывая каждое слово. Края бумаг прижимали стеклянные грузики в форме драконых когтей.

Перед судьями лежала знакомая связка ключей.

Беатрис увидела её сразу, хотя до этого старалась смотреть на людей, а не на предметы. Шесть старых ключей из потемневшего серебра покоились на красной подушке. Они принадлежали её семье задолго до брака с Корвином. Беатрис не видела их с той ночи, когда королевская стража вошла в дом и приказала открыть все двери.

Ключ от кладовых.

Ключ от старой башни.

Ключ от внутренних ворот.

Ещё три она никогда не использовала и не знала, что именно они открывают.

— Корвин Фелтон признан виновным в передаче врагу карт пограничных укреплений, сведений о численности гарнизона и времени перемещения королевских войск, — продолжил судья. — Его действия привели к гибели двухсот семидесяти четырёх солдат, семнадцати офицеров и командующего северным отрядом Ульриха Штайна.

При имени погибшего шум на площади изменился. Из яростного он стал тяжёлым и низким, похожим на гул далёкого обвала. Ульриха знали в столице. Его возвращения ждали прошлой весной. На воротах домов ещё оставались выцветшие ленты, вывешенные в честь отряда, который так и не вернулся.

Беатрис почувствовала, как ноготь впился в основание большого пальца. Она разжала руки и позволила им опуститься вдоль тела.

— Следствие установило, что часть документов готовилась в доме супругов Фелтон, — сказал судья. — Несколько распоряжений скреплены вашей подписью.

— Я подписывала хозяйственные листы, — ответила Беатрис.

Голос прозвучал ниже, чем она ожидала, но площадь услышала.

— Пустые листы? — спросил судья.

— Некоторые из них.

— По какой причине?

Толпа притихла, ожидая признания.

Беатрис посмотрела на красную подушку с ключами. Если она расскажет о Юдит, имя сестры появится в судебной записи. Корвин мёртв, но люди, которые приходили к нему по ночам, оставались на свободе. Следствие нашло документы и свидетелей, однако не нашло тех, кому Корвин передавал сведения.

Юдит жила в двух днях пути от столицы под защитой семьи мужа. За последние четыре месяца Беатрис не получила от неё ни одного письма.

— Я исполняла распоряжения супруга, — произнесла она.

По площади прокатилась волна возмущения.

— Удобный ответ, — заметил один из младших судей.

— Правдивый, — сказала Беатрис.

— Вы утверждаете, что не знали о содержании документов?

— Я утверждаю, что видела не все документы, на которых позднее появилась моя подпись.

— Значит, часть вы всё-таки видели?

Вопрос был поставлен умело. Любой ответ становился признанием.

Беатрис подняла взгляд на судью.

— Я видела счета, перечни запасов, распоряжения слугам и накладные на поставки. Если среди них находились иные бумаги, их содержание от меня скрыли.

— Жена не знала, чем занимается её муж в собственном доме? — выкрикнула женщина из толпы.

— Она помогала ему!

— Казнить обоих следовало!

Стража ударила древками копий о камень. Крики стали тише, но не исчезли.

Судья дождался, когда сможет говорить без усилия.

— Следствие не располагает прямыми доказательствами вашего участия в передаче военных сведений, госпожа Фелтон.

Беатрис впервые за всё утро ощутила движение надежды. Оно оказалось настолько слабым и непривычным, что она испугалась его сильнее, чем криков.

— Однако ваше молчание, подписи и положение хозяйки дома не позволяют признать вас непричастной, — продолжил судья. — Корона не может вернуть вам прежнее имя и имущество.

Надежда исчезла, оставив после себя болезненную пустоту.

С площади донёсся довольный смех.

— И не должна! — крикнул кто-то.

— В ссылку её!

Глашатай развернул новый лист. На синей ленте висела тяжёлая королевская печать. Судья взял документ, прочитал первые строки и посмотрел поверх края бумаги на человека, стоявшего справа от возвышения.

До этого Беатрис не замечала его среди военных.

Он находился рядом с колонной, где тень от балдахина пересекала солнечную полосу. Высокий, широкоплечий, в тёмно-синем мундире без парадного золота. На груди крепились только три знака: королевский грифон, крыло северного корпуса и чёрный металл генеральского отличия.

Гектор Штайн.

Ульрих приходился ему младшим братом.

Генерал снял перчатку и положил ладонь на навершие меча. На его пальцах проступали тонкие тёмные линии драконьей чешуи. Они появлялись у воинов его рода, когда внутренний огонь отзывался на гнев или опасность.

Сейчас линии оставались неподвижными.

Сам Гектор тоже не шевелился.

Беатрис встречала его дважды до гибели северного отряда. Первый раз на зимнем балу, где Корвин представил их друг другу и тут же увёл жену разговаривать с более влиятельным гостем. Второй — в доме Фелтонов, за несколько недель до предательства.

Гектор приехал за Ульрихом.

Беатрис помнила двух братьев у входа в библиотеку. Ульрих улыбался, обещая вернуться к весне, а Гектор держал в руках дорожные перчатки и оглядывал дом с той сдержанной осторожностью, которая теперь была обращена на неё.

Тогда Корвин стоял рядом и заверял, что северные склады обеспечены всем необходимым.

Теперь Ульрих лежал в общей могиле под обрушенной заставой.

Корвин был мёртв.

Гектор Штайн смотрел на Беатрис так, словно на площади остались только они двое и долг, который один из них обязан заплатить.

— По воле короля, — начал судья, — Беатрис Фелтон лишается права покидать северную провинцию до завершения особого расследования.

Крики одобрения заглушили последние слова. Судья поднял голос:

— С сегодняшнего дня она поступает на сорок дней в распоряжение командующего крепостью Ротвальд, генерала Гектора Штайна.

Толпа замолчала.

Беатрис слышала скрип пера ближайшего писца и звон упряжи на улице за площадью.

Сорок дней.

Ротвальд.

Имя крепости она знала с детства, хотя никогда там не бывала. Её прадед служил в Ротвальде хранителем внутренних ворот. Бабушка рассказывала, что старые замки узнавали руки семьи даже после долгой разлуки. Беатрис считала это одной из историй, которые взрослые придумывали, чтобы дети бережнее обращались с фамильными вещами.

— Подсудимая будет исполнять обязанности ключницы, — продолжал судья. — Она обязана открыть запечатанные помещения, восстановить доступ к хозяйственным и жилым крыльям и подготовить крепость к приезду королевской комиссии. Отказ от службы, попытка бегства или сокрытие сведений будут расцениваться как признание соучастия в государственной измене.

Беатрис посмотрела на ключи.

Вот почему их принесли.

— Почему Ротвальд закрыт? — спросила она.

Младший судья нахмурился, однако старший ответил:

— После гибели прежнего коменданта часть замков перестала подчиняться гарнизону. Ваш покойный муж имел доступ к крепости. Следствие полагает, что вы можете знать причину.

— Я никогда не была в Ротвальде.

— Это предстоит установить генералу Штайну.

Все взгляды обратились к Гектору.

Он поднялся по боковой лестнице на возвышение. Шёл без торопливости, однако каждый шаг звучал отчётливо, потому что люди расступались ещё до того, как он приближался. Рядом с Беатрис генерал остановился и поклонился судьям.

— Я принимаю приказ короля, — сказал он.

Его голос оказался спокойнее, чем она помнила. В нём не слышалось ни ярости, ни желания отомстить. Именно эта сдержанность заставила Беатрис выпрямиться ещё сильнее.

С человеком, который кричал, можно было спорить.

Гектор Штайн уже вынес свой внутренний приговор и не нуждался в словах.

Судья указал на подушку.

— Связка передаётся госпоже Фелтон на время службы. Генерал отвечает за сохранность ключницы и выполнение ею королевского распоряжения.

Капитан, стоявший у ступеней, поднял подушку. Гектор взял ключи и несколько секунд рассматривал их. Затем повернулся к Беатрис.

— Руки, госпожа Фелтон.

Это прозвучало как приказ, но он не приблизился.

Беатрис протянула ладони.

Металл лёг на кожу тяжёлой прохладой. Ключи звякнули, коснувшись друг друга, и один из них повернулся на кольце. Сам по себе.

Движение было едва заметным. Беатрис решила бы, что ей показалось, если бы взгляд Гектора не опустился к связке.

Он тоже увидел.

— Вы узнаете их? — спросил он.

— Они принадлежали моей семье.

— Корвин использовал их?

— Я не знаю.

— Вы были его женой пятнадцать лет.

— За это время я узнала многое, генерал Штайн. Привычки мужа делиться своими замыслами среди этого не было.

В его лице ничего не изменилось, однако пальцы на перчатке сжались.

— Ульрих считал ваш дом безопасным.

— Я тоже.

Ответ сорвался прежде, чем Беатрис успела остановиться.

Гектор задержал взгляд на её лице.

— Мой брат погиб, потому что кто-то открыл врагу ворота в назначенный час.

— И вы решили, что ключ держала я?

— Я решил, что выясню правду.

— Королевский суд пытался четыре месяца.

— Суд искал доказательства в бумагах. Я буду наблюдать за человеком, который их подписывал.

Он произнёс это без угрозы. На площади, где сотни людей ждали её унижения, генерал не повысил голос и не позволил себе ни одного оскорбления. Однако Беатрис поняла, что в крепости ей придётся отвечать за каждое движение.

Судья ударил деревянным молотком по столу.

— Приговор вступает в силу немедленно.

Толпа снова загудела. Беатрис закрыла пальцы вокруг ключей. Кольцо оказалось таким холодным, что металл словно прирос к ладони.

— Уведите её! — закричал мужчина у ограждения.

Женщина рядом бросила горсть серой золы. Ветер развернул её, и часть осела на ступенях, но несколько хлопьев попали на плечо Беатрис.

Гектор шагнул между ней и площадью.

Он не произнёс ни слова. Просто встал между Беатрис и площадью и посмотрел на стражников.

— Суд завершён, — объявил глашатай.

Гектор повернулся к Беатрис.

— Экипаж ждёт у западного выхода.

— Мне позволят забрать вещи?

— Ваши вещи уже внутри.

— Кто их собирал?

— Королевские служащие.

Беатрис представила незнакомые руки в комнатах, где она прожила половину жизни. Впрочем, тем людям нечего было выбирать. После обыска у неё осталось несколько платьев, книги без ценных переплётów и шкатулка с письмами матери. Даже обручальное кольцо сняли в первый день следствия как имущество осуждённого.

— Я готова, — сказала она.

— Это мы ещё выясним.

Гектор спустился первым. Беатрис последовала за ним, придерживая подол одной рукой и связку ключей другой.

Толпа находилась за деревянным ограждением, но проход до арки суда казался узким. Люди тянули шеи, выкрикивали обвинения, старались увидеть её лицо. Один пожилой мужчина стоял молча, прижав к груди шапку. На рукаве его пальто была нашита лента северного корпуса.

Вероятно, его сын или брат находился в отряде Ульриха.

Беатрис отвела взгляд.

Она не участвовала в предательстве Корвина. Эта мысль оставалась единственной опорой последние месяцы, однако рядом с родственниками погибших её невиновность переставала быть простой. Она жила в доме, где готовилось преступление. Подписывала бумаги. Принимала гостей. Видела, как муж закрывал дверь кабинета, и научилась не спрашивать, потому что каждый вопрос оборачивался новой угрозой для Юдит.

Страх объяснял молчание.

Он не возвращал погибших.

У арки кто-то прорвался между стражниками. Молодая женщина с распущенными волосами рванулась к Беатрис, протягивая руку.

— Мой муж служил у заставы! — выкрикнула она. — Он писал, что вернётся к рождению дочери!

Стражник схватил женщину за плечо. Та вырывалась и плакала, а толпа поддержала её новым криком.

Беатрис остановилась.

Гектор обернулся.

— Идите, — приказал он.

— Как его звали? — спросила Беатрис женщину.

Та перестала сопротивляться.

— Что?

— Вашего мужа.

— Эмиль Раст.

Имя Беатрис не знала.

Она кивнула, сохраняя его в памяти.

— Мне жаль.

— Оставьте свою жалость себе!

Женщина ударила ладонью по руке стражника. Беатрис не ответила. Она пошла дальше, и ключи при каждом шаге ударялись о кольцо.

За аркой шум площади стал глуше.

Во внутреннем дворе суда стояли два экипажа и десяток верховых солдат. Один экипаж был закрытым, с гербом северного корпуса на дверце. Второй, решётчатый, предназначался для заключённых.

Беатрис посмотрела на оба.

Гектор проследил за её взглядом.

— Вы поедете со мной.

— Суд назначил вас моим тюремщиком?

— Суд назначил меня человеком, который обязан доставить вас в Ротвальд живой и способной работать.

— Значит, решётчатый экипаж не подошёл по второй причине.

Капитан рядом кашлянул, скрывая реакцию. Гектор открыл дверцу закрытого экипажа.

— Садитесь, госпожа Фелтон.

Беатрис поднялась внутрь.

Салон был рассчитан на четырёх человек, но скамьи стояли друг напротив друга, оставляя достаточно пространства для дорожного сундука. Её сундук уже закрепили у задней стенки. На крышке виднелась белая королевская печать, запрещающая открывать его до прибытия.

Гектор сел напротив. Капитан занял место рядом с кучером, и экипаж тронулся.

Колёса прошли по камням внутреннего двора, затем загрохотали под аркой. Беатрис ожидала, что они снова выедут к площади, но экипаж повернул в узкий переулок за судом. Крики остались позади.

За окном двигались серые стены домов. Люди останавливались, узнавая герб северного корпуса. Некоторые кланялись, другие пытались разглядеть пассажиров через стекло.

Гектор снял фуражку и положил рядом. Его тёмные волосы были коротко подстрижены, у правого виска тянулась узкая светлая полоса старого шрама. Беатрис не помнила её с прошлых встреч.

В экипаже пахло кожей, холодным металлом и дымом, въевшимся в генеральский плащ. Драконы северного рода редко выпускали внутренний огонь в человеческом облике, но его след оставался на одежде после каждого превращения.

Беатрис положила связку на колени.

— Сколько продлится дорога?

— До вечера.

— Судья говорил о пограничной крепости. Я считала, что Ротвальд находится дальше.

— Крепость расположена у старой северной дороги. Граница отодвинулась после последнего договора, но название осталось.

— Гарнизон велик?

— Достаточно велик, чтобы не нуждаться в помощи предателя.

Беатрис подняла глаза.

— Тогда вам следовало отказаться от приказа.

— Генералы не выбирают удобные приказы.

— Вдовы тоже, как выяснилось.

Гектор посмотрел в окно. На улице торговцы торопливо убирали с дороги повозки, освобождая путь военному конвою.

— В Ротвальде закрыто больше половины помещений, — сказал он. — Два жилых крыла, старые кладовые, архив и несколько внутренних переходов. Замки перестали принимать военные ключи пять дней назад.

— Что произошло пять дней назад?

— Мы заняли крепость.

— Кто находился там до вас?

— Королевский комендант и небольшой гарнизон.

— Где комендант?

— Мёртв.

Ответ прозвучал ровно, однако Беатрис сразу поняла: обстоятельства смерти имели значение.

— Его тоже обвинили в предательстве?

— Следствие не завершено.

— А вы уже сделали вывод.

— Я привык делать выводы после проверки фактов.

— Обо мне вы заговорили иначе.

Гектор перевёл взгляд на неё.

— О вас есть пятнадцать лет фактов, госпожа Фелтон.

Беатрис провела большим пальцем по головке ближайшего ключа. На металле был вырезан маленький лист каштана. Такой же знак она видела на старом сундуке бабушки.

— Пятнадцать лет брака не равны пятнадцати годам участия в делах мужа.

— Корвин принимал у себя офицеров, поставщиков и чиновников. Вы управляли домом. Через ваши руки проходили счета, распоряжения и списки гостей.

— Через мои руки проходили ткани, мука, уголь, жалование слуг и расходы на содержание конюшен. Военные карты мне не показывали.

— Однако ворота крепости закрылись после того, как в архиве нашли документы вашего мужа.

Беатрис перестала гладить ключ.

— Какие документы?

— Вы узнаете их, когда мы приедем.

— Если вы хотите моей помощи, разумнее рассказать всё сейчас.

— Я ещё не знаю, хочу ли вашей помощи.

— Суд приказал вам её получить.

— Суд приказал предоставить вам возможность открыть замки. Доверять вам никто не велел.

Экипаж выехал за городские ворота. Каменная мостовая сменилась утрамбованной дорогой. Под колёсами захрустел снег, и разговор прервался из-за качки.

За окном тянулись зимние поля. Низкие изгороди едва выступали из белых наносов. На дальнем склоне темнели голые яблоневые сады, а возле придорожной часовни горели свечи в память о северном отряде.

Беатрис отвернулась от окна.

— Зачем крепости ключница, если там есть гарнизон? — спросила она.

— Ротвальд строили до учреждения нынешней военной службы. Его внутренние замки связаны с хозяйской печатью.

— Кому принадлежала печать?

— Коменданту.

— А до него?

— Вашему прадеду.

Беатрис почувствовала, как край ключа надавил на ладонь.

— Он был хранителем ворот.

— В старых записях его называют хозяином Ротвальда.

— Это почётное обозначение должности.

— Возможно.

— Почему вы не уверены?

— Потому что после смерти коменданта крепость закрыла комнаты, где размещались мои люди, оставив доступными кухни, конюшни и внешний двор. Такое поведение трудно назвать случайностью.

— Крепость не может выбирать людей.

— Вы давно имеете дело со старыми укреплениями?

— Никогда.

— Тогда оставьте окончательные суждения до знакомства с Ротвальдом.

Беатрис посмотрела на ключи. Бабушка называла их «голосом дома». В детстве эта фраза казалась красивой. Позднее Корвин смеялся над семейными легендами и говорил, что любой замок подчиняется человеку с подходящим инструментом.

Он забрал связку после свадьбы, пообещав хранить её в сейфе.

Беатрис не спрашивала, где она лежит.

Теперь ключи вернулись к ней с королевского суда.

— Кто нашёл связку? — спросила она.

— В кабинете вашего мужа.

— Где именно?

— За внутренней панелью письменного стола.

Корвин прятал там переписку, которую не хотел оставлять в сейфе. Беатрис знала о панели, потому что однажды увидела, как он нажал на резной завиток. После этого муж сменил стол и перенёс кабинет в другое крыло.

— Вы знали о тайнике? — спросил Гектор.

Она поняла, что слишком долго молчала.

— В старом столе был похожий.

— И вы не сообщили следствию?

— Следователи разобрали кабинет до пола. Я полагала, что им известно устройство мебели.

— Вы часто полагались на чужую осведомлённость?

Вопрос задел точнее обвинения.

— Достаточно часто, чтобы оказаться перед судом.

Гектор откинулся к спинке. Несколько минут они слышали только стук колёс и звяканье сбруи.

Экипаж миновал деревню. У колодца стояли женщины с вёдрами, а возле кузницы мужчины прекратили работу и сняли шапки перед военным гербом. Беатрис подумала об Эмиле Расте. Возможно, он вырос в похожем месте. Возможно, его дочь никогда не увидит отца.

— Ульрих был женат? — спросила она.

Гектор не сразу ответил.

— Нет.

— Семья?

— Мать умерла три года назад. Отец — раньше.

Значит, Гектор остался один.

Беатрис пожалела о вопросе, но извинение показалось бы попыткой смягчить человека, чья боль возникла из-за её дома.

— Он приходил к нам перед отъездом, — сказала она.

— Я помню.

— Ульрих сказал, что вернётся к весне.

— Он всем так говорил.

Гектор повернул голову к окну. За стеклом двигались заснеженные ели.

— Корвин обещал обеспечить заставу, — продолжил он. — Поставки задержались на шесть дней. Когда мой брат изменил маршрут, чтобы забрать припасы, враг уже ждал его в ущелье.

Беатрис вспомнила тот месяц. Три ночи подряд Корвин запирался в кабинете с людьми, которых она не знала. Он запретил подавать ужин наверх и приказал никого не впускать в западное крыло. Утром после их отъезда Беатрис нашла в камине обугленный край военной карты.

Она спросила, что произошло.

Корвин ударил ладонью по столу и поинтересовался, желает ли Юдит потерять мужа из-за долгов, о которых пока не знает.

После этого Беатрис замолчала.

— Я видела часть карты, — призналась она.

Гектор повернулся.

— Когда?

— За несколько недель до гибели отряда. В камине кабинета остался обгоревший лист.

— Почему вы не сказали об этом следствию?

— Сказала.

— В протоколе этого нет.

— Значит, кто-то решил, что обрывок карты ничего не доказывает.

— Что было изображено?

— Горная дорога и мост. Названия сгорели.

— Вы сохранили лист?

— Корвин вошёл прежде, чем я успела его рассмотреть.

— И уничтожил?

— Бросил обратно в огонь.

Гектор наклонился вперёд.

— Кто приходил к нему той ночью?

— Я не видела лиц. Гости вошли через садовую дверь.

— Сколько их было?

— Трое. Один прихрамывал.

— Мужчина или женщина?

— Человек был в длинном плаще. По росту определить нельзя.

Гектор несколько секунд смотрел на неё, затем постучал костяшками по стенке экипажа.

Окошко открылось.

— Капитан Дорн.

— Да, генерал?

— Запишите: трое гостей в доме Фелтона за несколько недель до нападения. Один прихрамывал. Вход через садовую дверь.

— Будет исполнено.

Окошко закрылось.

— Вы могли сказать это на площади, — заметил Гектор.

— Судья спрашивал о подписях.

— Вы умеете отвечать только на поставленный вопрос?

— В доме Корвина это было безопаснее.

Слова остались между ними.

Гектор откинулся к спинке. Его взгляд скользнул по рукам Беатрис. На правом запястье рукав платья приподнялся, открывая тонкую белую линию старого шрама. Она сразу поправила ткань.

Генерал ничего не спросил.

Дорога стала круче. Поля сменились холмами, а затем густым хвойным лесом. Снег на ветвях лежал тяжёлыми пластами. Иногда конвою приходилось замедляться возле поваленных деревьев или узких мостов.

Солнце опускалось к вершинам елей. В салоне потемнело.

Беатрис считала повороты, запоминая дорогу. Привычка появилась в первые годы брака, когда Корвин однажды высадил её из экипажа за несколько миль от дома, желая наказать за спор. Тогда она дошла до усадьбы ночью и с тех пор всегда следила за направлением.

— Вы ожидаете бегства? — спросил Гектор.

Беатрис поняла, что он наблюдает за ней.

— Я хочу знать, где нахожусь.

— К вечеру будете в Ротвальде.

— А если крепость не откроется?

— Остановимся во внешнем дворе.

— Суд отправил меня открывать внутренние помещения. Что произойдёт, если ключи не подойдут?

— Вернёмся к этому вопросу после попытки.

— У вас есть ответ.

— Вас поместят под охрану до решения королевской комиссии.

— В крепости или в столице?

— В Ротвальде.

— Значит, сорок дней превратятся в неопределённый срок.

— Всё зависит от того, что вы знаете.

Беатрис посмотрела на него.

— Вы по-прежнему уверены, что я что-то скрываю.

— Вы только что вспомнили трёх ночных посетителей и обрывок карты.

— Я не вспоминала. Я рассказала то, о чём меня не спросили на площади.

— Следователи спрашивали вас четыре месяца.

— Следователи хотели услышать, что я помогала мужу. Любой другой ответ они помещали в конец протокола или вовсе не записывали.

— Я записал.

— Потому что ищите человека, виновного в гибели брата.

— А вы хотите, чтобы им оказался кто угодно, кроме вас.

Беатрис прижала связку к коленям.

— Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал.

Впервые за время дороги выражение лица Гектора изменилось. Ненадолго. Взгляд стал менее жёстким, словно он услышал в её голосе то, что не ожидал услышать.

— Если вы невиновны, — сказал он, — Ротвальд поможет это доказать.

— А если крепость откроется моими ключами, разве это не убедит всех в обратном?

Гектор не ответил.

Этого оказалось достаточно.

К сумеркам лес расступился. Дорога поднялась на каменный гребень, и впереди появилась крепость.

Ротвальд стоял на чёрной скале над замёрзшей рекой. Наружные стены повторяли изгиб утёса и поднимались над лесом тремя ярусами. Башни соединяли крытые переходы, крыши которых были засыпаны снегом. Над центральной цитаделью развевалось королевское знамя, однако флаг висел тяжело, словно воздух над крепостью не подчинялся ветру.

В окнах внешнего крыла горел свет.

Внутренняя часть оставалась тёмной.

Беатрис наклонилась к стеклу. Даже с дороги было видно, что Ротвальд строили не как дворец. Узкие окна, толстые стены, глубокие арки ворот. При этом за бойницами угадывались очертания зимней галереи и высокая крыша оранжереи.

Крепость была военным домом, способным принять сотни людей.

Сейчас она выглядела покинутой собственным хозяином.

Экипаж проехал по мосту. Под копытами гулко отзывались доски. У внешних ворот караул вытянулся перед генералом, и створки открылись без задержки.

Во дворе кипела работа. Солдаты переносили ящики, разгружали мешки, укрепляли навесы над конюшнями. Возле кухонного крыла женщины развешивали на верёвках выстиранное бельё, которое сразу затвердевало на морозе. Два мальчика таскали дрова, стараясь не попадаться под ноги военным.

Когда экипаж остановился, люди прекратили работу.

Гектор вышел первым. Затем повернулся и подал Беатрис руку.

Она могла отказаться. Ступенька находилась невысоко.

Однако двор был покрыт утоптаным снегом, а после долгой дороги ноги затекли. Беатрис вложила пальцы в его ладонь.

Даже через перчатку чувствовалось тепло.

Гектор помог ей спуститься и сразу отпустил.

Солдаты смотрели на связку ключей.

Кто-то узнал Беатрис. Шёпот прошёл вдоль двора:

— Фелтон.

— Вдова.

— Та самая?

Гектор повернулся к гарнизону.

— Госпожа Фелтон находится здесь по королевскому приказу, — произнёс он. — До окончания срока её службы она выполняет обязанности ключницы. Любые вопросы о её положении задаются через капитана Дорна.

Ни один человек не ответил.

Капитан спрыгнул с козел и подошёл к ним. Феликс Дорн оказался мужчиной около тридцати лет, с рыжеватыми волосами и лицом, обветренным сильнее, чем у столичных офицеров. Он поклонился Беатрис без заметной неприязни, хотя и без дружелюбия.

— Главные внутренние ворота готовы к проверке, генерал.

— Ведите.

Они пересекли двор.

По пути Беатрис заметила признаки беспорядка, которые не соответствовали чётким движениям военных. У кухонного крыльца стояли пустые бочки, хотя их следовало убрать под навес. Дрова сложили у северной стены, где снег намокал от тепла камня. Окна верхнего этажа оставались открытыми, и занавеси двигались от сквозняка.

Гарнизон умел воевать.

Крепость требовала другого вида управления.

Внутренние ворота находились в противоположной стене двора. Две высокие створки из тёмного дерева были укреплены железными полосами. Над аркой располагалась каменная плита без надписи. Поверхность покрывал иней, делая её похожей на слепое окно.

Возле замка стояли трое военных мастеров. На столе лежали инструменты и несколько связок ключей.

— Попытки были? — спросил Гектор.

— Семь, генерал, — ответил старший мастер. — Использовали гарнизонный ключ, запасной комплект и печать коменданта. Замок принимает металл, но механизм не движется.

— Повреждения?

— Мы не стали применять силу без вашего приказа.

Гектор снял перчатку и коснулся железной пластины рядом с замочной скважиной. Тёмные линии на его пальцах проступили отчётливее. От ладони по металлу прошла волна тепла. Иней отступил, открывая вырезанные на пластине ветви каштана.

Такой же знак находился на одном из ключей Беатрис.

Она приблизилась.

— Вы знали об этом символе? — спросил Гектор.

— Он принадлежал моей бабушке.

— Крепость старше вашей бабушки на три столетия.

— Я говорю о знаке семьи, а не о возрасте камня.

Гектор посмотрел на связку.

— Какой ключ?

Беатрис перебрала их. Ключ с каштановым листом был вторым. Небольшой, с длинным стержнем и тремя зубцами разной высоты.

Она подняла его, но не вставила в замок.

— Сначала попробуйте свой.

— Уже пробовали.

— При мне.

Гектор не стал спорить. Он протянул руку капитану.

Феликс передал ему гарнизонный ключ. Тяжёлый, новый, с королевским грифоном на головке.

Гектор вставил его в замок.

Ключ вошёл полностью.

Генерал повернул запястье. Металл не поддался.

Он усилил давление. По железным полосам ворот прошёл красноватый свет. В глубине стены что-то отозвалось низким гулом, но механизм остался неподвижным.

Гектор вытащил ключ.

— Запасной.

Капитан подал второй.

Результат оказался тем же.

Во дворе собрались люди. Солдаты держались на расстоянии, однако работа прекратилась. Женщины у кухонного крыла замерли с корзинами в руках. Даже лошади у коновязи повернули головы к воротам.

— Печать коменданта, — приказал Гектор.

Мастер принёс короткий ключ из белого металла. Его головка имела форму башни. Гектор вставил его в замок. На этот раз внутри что-то щёлкнуло.

По толпе прошёл вздох.

Генерал повернул ключ.

Из скважины вырвалась искра, ударившая в перчатку. Гектор отдёрнул руку. На металле появилась тонкая трещина.

— Крепость отвергла печать, — сказал мастер.

— Я вижу.

Гектор положил повреждённый ключ на стол и повернулся к Беатрис.

— Ваша очередь, госпожа Фелтон.

Она стояла перед воротами, ощущая на себе взгляды всего двора.

Если её ключ не подойдёт, она останется подозреваемой, которая ничем не может помочь следствию.

Если подойдёт, станет женщиной, способной открыть крепость, связанную с предательством её мужа.

Ни один исход не обещал свободы.

— Вы сказали, что никогда не были здесь, — напомнил Гектор.

— Это правда.

— Тогда почему ваш семейный знак находится на замке?

— Я надеялась спросить об этом у вас.

— Открывайте.

Беатрис приблизилась к двери.

Железная пластина была шире её ладони. Ветви каштана переплетались вокруг замочной скважины, а у основания рисунка находилась маленькая птица. Серебряный сокол, герб семьи до того, как Корвин заменил его собственным.

Беатрис коснулась изображения.

Камень под ногами отозвался слабым движением.

Она замерла.

— Что произошло? — спросил Гектор.

— Не знаю.

— Вы почувствовали магию?

— Скорее движение.

Гектор встал рядом, оставив между ними достаточно места.

— Земля неподвижна.

— Подошва моего сапога считает иначе.

Несмотря на напряжение, уголок рта капитана едва заметно дрогнул. Гектор посмотрел на него, и Феликс сразу принял серьёзный вид.

Беатрис вставила ключ.

Он вошёл легко, без скрежета.

Связка в её руке качнулась. Остальные ключи соприкоснулись, издав чистый серебряный звон, который оказался слышен по всему двору.

Гектор приблизился на полшага.

— Поворачивайте.

Беатрис взялась за головку ключа.

Металл больше не был холодным. Под пальцами ощущалось ровное тепло, похожее на нагретый солнцем камень.

Она повернула ключ вправо.

Сначала ничего не произошло.

Затем в глубине ворот один за другим начали двигаться засовы. Звук шёл из стены, поднимался вверх и расходился по арке. Железные полосы вспыхнули золотистыми линиями. Иней на каменной плите растаял, хотя вечерний мороз усиливался.

Люди отступили.

Гектор схватил Беатрис за предплечье и отвёл от створок, когда те дрогнули.

Его рука оставалась на её рукаве. Внутреннее тепло генерала проникало сквозь ткань, но Беатрис почти не замечала прикосновения.

Ворота открывались.

Тяжёлые створки разошлись без помощи людей, открывая длинный внутренний проход. На стенах одна за другой зажигались лампы, уходя в глубину крепости. Свет поднимался к окнам, перебегал по галереям, вспыхивал под крышами башен.

Ротвальд просыпался.

Где-то за воротами ударил колокол.

Первый звон прокатился над двором.

За ним последовал второй, затем третий. На башнях загорелись огни, хотя никто не поднимался к ним по лестницам. Снег осыпался с карнизов, и крепость загудела так, словно по её стенам прошёл глубокий вздох.

Беатрис вытащила ключ.

Звон прекратился.

Наступила тишина, в которой слышалось лишь потрескивание факелов.

Гектор убрал руку с её предплечья. Его взгляд был устремлён вверх.

Беатрис тоже подняла голову.

На каменной плите над воротами проступили буквы. Сначала тонкие золотые линии, затем глубокие знаки старого письма. Слова становились ярче, пока их не смог прочитать каждый человек во дворе.

Хозяйка вернулась.

Никто не заговорил.

Беатрис смотрела на надпись и понимала, что королевский суд совершил ошибку, отправив её сюда как служанку.

Крепость только что признала вдову предателя своей хозяйкой.

Глава 2. Крепость не признаёт генерала

Надпись продолжала гореть над воротами, и её золотой свет ложился на лица людей, собравшихся во дворе.

Беатрис видела, как солдаты переглядываются, как одна из женщин у кухонного крыльца торопливо касается пальцами лба, а старший мастер отступает от замка, словно опасается, что крепость сейчас произнесёт что-нибудь ещё. Даже капитан Дорн, до сих пор сохранявший спокойствие, поднял голову и прочитал слова второй раз.

Гектор первым отвёл взгляд от каменной плиты.

— Закройте внешний двор, — приказал он. — Никого не выпускать до особого распоряжения. Людям вернуться к работе.

Приказ был отдан привычным голосом, но привычного действия не вызвал. Солдаты продолжали стоять, уставившись на надпись. Тогда генерал повернулся к ним всем корпусом.

— Я сказал: вернуться к работе.

Гарнизон пришёл в движение. Мужчины подхватили оставленные ящики, конюхи увели лошадей, женщины снова направились к кухне. Однако каждый, проходивший мимо внутренних ворот, старался не поворачиваться к Беатрис спиной.

Гектор дождался, пока пространство перед аркой освободится, и посмотрел на неё.

— Объясните.

Беатрис всё ещё держала ключ, которым открыла ворота. Металл сохранял тепло, хотя её пальцы успели замёрзнуть во дворе.

— Если бы могла, уже объяснила бы.

— Вы заявили суду, что никогда не были в Ротвальде.

— Я сказала правду.

— Крепость назвала вас хозяйкой.

— Я умею читать, генерал Штайн.

Его взгляд задержался на её лице. Отвечать колкостью не следовало, но после дороги, суда и надписи над воротами Беатрис не могла изображать покорность, которой от неё ожидали.

Гектор протянул руку.

— Ключ.

Она не отдала его.

— Вы хотите снова проверить замок?

— Я хочу понять, кому он подчиняется.

— По надписи это уже понятно.

— Надписи не отдают приказов гарнизону.

— Зато открывают ворота, с которыми гарнизон не справился.

Капитан Дорн повернул голову к мастерам, предоставляя им возможность не слышать разговор. Старший мастер занялся треснувшим ключом коменданта с таким усердием, словно от состояния металла зависела его жизнь.

Гектор опустил руку.

— Вставьте ключ ещё раз.

Беатрис подошла к замку. Золотые линии на железных полосах потускнели, но не исчезли. Она вставила ключ с каштановым листом и повернула его влево.

Створки начали сходиться.

Движение шло плавно, без участия людей. Свет в проходе остался гореть, однако последние лампы за воротами погасли одна за другой, когда двери сомкнулись.

Беатрис повернула ключ вправо. Ворота снова открылись.

— Теперь вы, — сказала она.

Гектор взялся за головку ключа, не вынимая его из замка.

Золотые линии погасли.

Генерал попытался повернуть ключ. Тот не сдвинулся.

Он изменил положение ладони, и под кожей его пальцев проступили тёмные чешуйчатые полосы. Железо нагрелось, от замка поднялся пар, однако механизм не отозвался.

— Отпустите, — попросила Беатрис.

Гектор посмотрел на неё, но руку убрал.

Как только её пальцы коснулись ключа, золотые линии вернулись.

Капитан Дорн подошёл ближе.

— Крепость признаёт не ключ, генерал.

— Я вижу, капитан.

— Она признаёт руку, — добавила Беатрис.

Гектор провёл большим пальцем по краю перчатки, которую держал в другой руке. Беатрис уже знала этот жест: он появлялся, когда генерал обдумывал ответ и не хотел произносить первое, что пришло ему в голову.

— Закройте ворота, — сказал он.

Она выполнила распоряжение.

Надпись над аркой не исчезла. Золотые буквы побледнели и остались видны на камне, как недавно высеченная надпись.

— Теперь откройте.

— Вы намерены проверять это всю ночь?

— Откройте ворота, госпожа Фелтон.

Беатрис снова повернула ключ. Створки разошлись.

Гектор шагнул в проход, но через несколько футов остановился. Свет ближайших ламп изменился: золотое пламя стало тёмно-красным, а со стороны внутренней галереи донёсся скрежет.

Поперёк прохода из стен выдвинулись железные решётки.

Гектор оказался между двумя из них.

Солдаты во дворе потянулись к оружию. Феликс Дорн рванулся к первой решётке, но генерал поднял ладонь.

— Стоять.

Решётка отделяла его от Беатрис. За второй оставался открытый внутренний двор, где под арками виднелись пустые лестницы и тёмные окна.

— Крепость вас не пропускает, — сказала Беатрис.

— Это очевидно.

— Возможно, ей не нравится ваш тон.

Феликс кашлянул, но на этот раз не сумел скрыть улыбку.

Гектор повернулся к нему.

— Капитан, если вам весело, можете занять моё место.

— Благодарю, генерал. Здесь мне удобнее.

Беатрис осмотрела замок на первой решётке. На железной планке повторялся каштановый лист, но скважина была другой: узкой и вытянутой.

Она перебрала связку. Третий ключ подошёл по размеру.

— Не открывайте, — сказал Гектор.

— Вы предпочитаете остаться внутри?

— Сначала войдите в проход.

Беатрис поняла, чего он добивается. Если крепость пропустит её без препятствий, станет ясно, что надпись не была случайным проявлением старой магии.

Она прошла под аркой.

Первая решётка отреагировала на её приближение и начала подниматься. Гектор успел отойти, когда железные прутья ушли в потолок. Вторая решётка поднялась следом, освобождая путь во внутренний двор.

Лампы снова загорелись золотым.

Беатрис остановилась рядом с генералом.

— Вам всё ещё нужно объяснение?

— Мне нужен порядок.

— Крепость, похоже, имеет собственное мнение о порядке.

Гектор осмотрел стены прохода.

— Кто управлял хозяйской печатью до смерти коменданта?

— Старший смотритель, — ответил Феликс. — Он утверждает, что печать перестала отзываться в ночь, когда нашли тело.

— Где он?

— Во внутреннем крыле.

— Приведите.

Капитан не двинулся.

— Внутреннее крыло закрыто, генерал.

Гектор посмотрел на Беатрис.

— Тогда сначала откроем его.

Она сняла ключ с каштановым листом и вернула его на связку.

— Я не знаю, какой ключ ведёт во внутреннее крыло.

— У вас шесть вариантов.

— А у крепости десятки дверей. Если я начну подбирать ключи без понимания устройства замков, мы можем закрыть то, что пока остаётся открытым.

Гектор ничего не ответил, но Беатрис заметила, что он принял довод. На площади он видел в ней только вдову Корвина. Теперь обстоятельства вынуждали его слушать женщину, которая умела обращаться с домом, хотя этот дом был размером с небольшую городскую улицу.

— Нам нужен план, — сказала она. — Полный, включая хозяйственные помещения, старые переходы и комнаты, которыми больше не пользуются.

— План находится в штабной комнате.

— Она доступна?

— Во внешнем крыле.

— Тогда начнём с него.

Гектор вышел во внутренний двор, и на этот раз крепость не попыталась его остановить. Солдаты последовали за ним, держась ближе друг к другу, чем прежде.

Беатрис задержалась под аркой. Внутренний двор оказался просторнее внешнего, но здесь не было ни людей, ни следов недавней работы. Снег лежал ровно, только под крытыми галереями темнели полосы каменного пола. В центре находился колодец с медной крышей, покрытой зеленоватой патиной. По сторонам поднимались три крыла: жилое, хозяйственное и главное, где находились зал, кабинет коменданта и комнаты для важных гостей.

Окна первого этажа были тёмными. На втором кое-где мерцал золотой свет, зажжённый пробудившейся крепостью. Над крышами тянулся дым только из одной трубы.

Значит, часть внутренних помещений отапливалась.

Беатрис посмотрела на остальные трубы. Их было не меньше двенадцати.

— Сколько людей живёт в крепости? — спросила она.

Феликс остановился рядом.

— Сто восемьдесят семь солдат, двадцать три офицера, сорок один человек прислуги и работников. Ещё семьи нескольких офицеров.

- Всего?
- Около трёхсот.
- Для трёхсот человек работает одна труба.
- Кухни и казармы находятся во внешнем крыле.
- А внутреннее?
- Закрылось пять дней назад.

Беатрис присмотрелась к снегу у стен. Под окнами хозяйственного крыла лежали комья льда и тёмные пятна воды.

- Трубы замёрзнут, если отопление отключено полностью.
- Военные мастера проверяют доступные участки.
- Доступные участки редко находятся там, где начинается повреждение.

Гектор услышал последние слова.

- Вы уже нашли неисправность?
- Я нашла причину не откладывать осмотр до утра.
- Света хватит?

Беатрис подняла связку. На металле сохранялось золотистое отражение от ламп.

- Крепость старается нам помочь.
- Она помогает вам.

Гектор произнёс это без обвинения, но разница была важна.

Они вернулись во внешний двор через открытые ворота. Крепость больше не выставляла решётки, хотя свет в проходе на короткое время стал красноватым, когда генерал пересёк порог.

Штабная комната находилась в башне над конюшнями. Поднимаясь туда, Беатрис заметила, что ступени плохо очищены от снега, занесённого сапогами, а у стены стоят три пустых ведра. На площадке второго этажа пахло мокрой шерстью и сырым деревом.

В комнате за длинным столом работали четыре писаря. Их бумаги были разложены вперемешку с донесениями и списками поставок. У стены висела большая карта крепости, составленная на нескольких листах плотного пергамента.

Гектор подошёл к ней.

- Внутренние ворота здесь.

Он указал на толстую линию между дворами.

- Жилое крыло, хозяйственное, главное. С какой двери начнёте?

Беатрис сняла вуаль. В помещении было теплее, и влажная ткань неприятно касалась лица.

- Сначала мне нужны сведения.
- Какие?

— Число людей, количество доступных комнат, запасы пищи, дров, угля, свечей, постельного белья, воды. Список работников с обязанностями. Отдельно — перечень помещений, которые закрылись пять дней назад.

Писари подняли головы.

Феликс взял чистый лист.

- Вы собираетесь провести перепись?
- Я собираюсь понять, что находится в моём распоряжении.

Гектор опёрся ладонью о стол.

- В вашем распоряжении находятся ключи. Гарнизон подчиняется мне.
- Тогда отвечать за хозяйство будете вы?
- Крепость управлялась до вашего появления.
- Одной трубой на триста человек?

Младший писарь опустил взгляд, скрывая улыбку.

Гектор распрямился.

— Что ещё?

— Кто сейчас распоряжается кухней?

— Грета Восс, — ответил Феликс. — Экономка прежнего коменданта.

— Она осталась после его смерти?

— Отказалась уходить.

— Кто отвечает за кладовые?

— Старший кладовщик Освальд Тисс.

— И он находится во внутреннем крыле?

— Нет, во внешнем. После закрытия старых кладовых он перевёл часть запасов в помещения у кухни.

Беатрис подошла к карте.

— Где семьи офицеров?

Феликс указал на длинное крыло у восточной стены.

— Здесь. Временные комнаты.

— Почему временные?

— Жилые комнаты заперты.

— Сколько человек размещено в каждой?

— По-разному.

— Это не ответ.

Капитан взял второй лист.

— Я распоряжусь собрать сведения.

— Нужны не примерные цифры. Каждая комната, число взрослых, детей, кроватей и исправных очагов.

Гектор следил за ней, не вмешиваясь.

Беатрис посмотрела на план. Несколько помещений были зачёркнуты углём. Возле хозяйственного крыла стояли пометки, сделанные разными руками: «закрыто», «замок не принимает печать», «доступ утрачен».

— Когда прибывает королевская комиссия? — спросила она.

— Через сорок дней, — ответил Гектор.

— Судья сказал то же самое. Сколько человек ожидается?

— Двадцать чиновников, охрана и слуги.

— Это может означать пятьдесят человек, а может — сто.

— Предварительный список ещё не прислали.

— А король?

На этот раз Гектор ответил после короткой паузы:

— Его величество прибудет вместе с комиссией.

Беатрис повернулась к нему.

— Судья говорил только о комиссии.

— Присутствие короля пока не объявлено.

— Но крепость должна быть готова принять двор.

— Небольшую свиту.

— Для королевского двора не существует небольшой свиты.

Феликс перевёл взгляд с неё на генерала.

— Сколько гостей вы рассчитывали разместить? — спросила Беатрис.

— В главном крыле достаточно комнат.

— Они закрыты.

— Поэтому вы здесь.

— Даже если я открою двери сегодня, комнаты не станут готовыми сами. Их нужно осмотреть, очистить, прогреть, проверить мебель и окна. Понадобятся люди, ткани, посуда, топливо. Если оранжерея повреждена, свежих продуктов к приезду двора не будет.

— Продукты можно доставить из столицы.

— По зимней дороге, которую мы преодолевали весь день? Достаточно одного сильного снегопада, чтобы обоз задержался.

Гектор посмотрел на карту, затем на капитана.

— Вы слышали госпожу Фелтон.

— Да, генерал.

— Соберите запрошенные сведения.

Феликс начал отдавать распоряжения писарям. Один отправился к кухне, второй — в казармы, третий принялся разбирать бумаги на столе.

Беатрис сняла связку ключей с запястья и положила рядом с планом.

— Мне нужно поговорить с экономкой и кладовщиком.

— Поговорите, — сказал Гектор.

— Без стражи.

— Нет.

— Люди не станут откровенно рассказывать о беспорядке при вооружённом солдате.

— Вы находитесь под надзором.

— Тогда пусть рядом будет капитан Дорн. Он хотя бы умеет записывать.

Феликс поднял голову от листов.

— Сочту это похвалой.

Гектор посмотрел на него.

— Считайте обязанностью.

Он отошёл от стола, взял в руки связку и вернул Беатрис.

— Все двери вы открываете только в моём присутствии или при капитане Дорне.

— Если на кухне окажется заперт шкаф, мне тоже ждать генерала?

— Вы будете ждать капитана.

— А если замёрзнет водопровод?

— Тогда позовёте мастера.

— За пять дней вы уже позвали нескольких. Результат стоит над воротами.

Гектор подошёл ближе. Между ними оставался стол, заваленный бумагами, однако Беатрис снова ощутила то же напряжение, что возникло в экипаже. Он не пытался подавить её ростом или званием. Просто ждал, пока она закончит, и в его спокойствии было больше власти, чем в громком приказе.

— В Ротвальде триста человек, госпожа Фелтон. Я отвечаю за каждого из них. Вы появились час назад, открыли ворота старым ключом и получили от крепости титул, на который не имеете законного права. До тех пор, пока я не пойму, почему это произошло, рядом с вами будет человек, которому я доверяю.

Беатрис удержала его взгляд.

— Тогда выберите того, кто не станет мешать работе.

— Капитан Дорн.

Феликс положил перо.

— Я начинаю жалеть, что умею записывать.

Гектор проигнорировал его замечание.

— За каждым вашим распоряжением капитан будет следить лично.

— Проверять?

— Проверять.

— А если он не согласится?

— Решение приму я.

— Даже по поводу размещения белья или выдачи свечей?

— Если понадобится.

Беатрис надела вуаль на сгиб руки.

— Надеюсь, у короля хватит терпения ждать, пока генерал выберет место для каждой простыни.

Феликс издал звук, похожий на кашель, и отвернулся к окну.

Гектор сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Начинайте перепись, госпожа Фелтон.

Она прошла мимо него, стараясь не замечать тепла, исходившего от его мундира. Драконья природа генерала напоминала о себе даже тогда, когда он сохранял человеческий облик.

На лестнице Феликс догнал её.

— Вам всегда удаётся так быстро спорить с человеком, который решает вашу судьбу?

— Обычно люди, решающие мою судьбу, не просят меня подготовить им комнаты.

— Генерал не просил.

— Поэтому комнаты могут остаться холодными.

Капитан усмехнулся.

— Я начинаю понимать, почему крепость выбрала вас.

— Надеюсь, вы объясните это генералу. Он требует ответа.

— Генерал предпочитает получать ответы сам.

— Тогда впереди у него сорок насыщенных дней.

Они вышли во двор.

Грета Восс нашла на кухне. Это была крепкая женщина лет шестидесяти с седыми волосами, собранными под белым платком. Она стояла у длинного стола и делила между помощницами работу на вечер. Вокруг кипели котлы, трещали дрова, звенела посуда. Жар от очагов смешивался со сквозняком из неплотно закрывавшейся двери.

При появлении Беатрис разговоры прекратились.

Грета вытерла руки о передник.

— Госпожа Фелтон.

Она произнесла фамилию без враждебности, но и без приветствия.

— Госпожа Восс?

— Просто Грета. Здесь титулы плохо помогают, когда дымоход забит.

— Тогда Беатрис.

Несколько женщин переглянулись. Феликс встал у двери, оставляя им пространство.

— Мне сказали, вы управляли хозяйством при прежнем коменданте, — продолжила Беатрис.

— Двадцать два года.

— Значит, знаете крепость лучше любого военного мастера.

— Я знаю, где зимой промерзает камень и какую дверь приходится прижимать плечом.

Военные знают, откуда ждать нападения. Одно другому не мешает.

Беатрис оглядела кухню. Четыре очага работали, но два дальних оставались холодными. На стенах висели медные ковши, потемневшие от копоти. В углу громоздились мешки, часть из них стояла прямо на каменном полу.

— Почему мешки не на поддонах?

Грета проследила за её взглядом.

— Поддоны остались в старой кладовой.

— Можно сложить их на доски.

— Все свободные доски забрали военные для укрепления конюшен.

Феликс поморщился.

— Я проверю.

— Проверять поздно, капитан, — сказала Грета. — Нижние мешки уже отсырели.

Беатрис подошла к ближайшему и коснулась ткани. Холст был холодным и влажным.

— Что внутри?

— Мука.

— Сколько мешков пострадало?

— Сегодня нашли четыре. Вчера было два.

— Их нужно отделить от остальных, перенести в тёплое помещение и проверить содержимое. Испорченное не должно попасть на кухню.

Грета кивнула одной из помощниц.

— Слышала? Позови Марну и возьмите мужчин у дровяного сарая.

Женщина ушла.

— Сколько запасов осталось? — спросила Беатрис.

— Если кормить только гарнизон, хватит на три недели. С семьями — меньше.

— А по книгам?

— По книгам старые кладовые заполнены до весны.

— Но они закрыты.

— И никто не знает, что там осталось.

— До закрытия кладовых проводили пересчёт?

Грета посмотрела на Феликса.

— Капитан приказал.

— Освальд принёс цифры, — подтвердил он.

— Вы видели сами?

— Нет.

— Тогда мы не знаем, сколько запасов было пять дней назад.

Феликс нахмурился.

— Тисс служит в Ротвальде тридцать лет.

— Срок службы не заменяет пересчёт.

Грета поставила руки на стол.

— Освальд честный человек.

— Я не обвиняю его. Хочу понять, почему кухня осталась без продуктов, которые числятся в кладовых.

— Потому что двери закрыты.

— А почему временные кладовые заполнены наполовину, если перенос начался до закрытия?

В кухне стало тише.

Грета посмотрела на Беатрис иначе. Теперь в её взгляде появилась не только настороженность, но и интерес.

— Откуда вы знаете, когда начался перенос?

— У северной стены стоят бочки со старой маркировкой. Их вынесли из внутренних кладовых раньше, чем выпал последний снег. Дорога сюда заняла у них несколько дней, иначе дерево не успело бы так высохнуть после сырого подвала.

Феликс подошёл к бочкам.

— Перенос начался восемь дней назад, — сказала Грета. — Комендант приказал освободить две нижние кладовые.

— Зачем?

— Не объяснил.

— Он был жив?

— Да.

— Кто переносил запасы?

— Люди Освальда и двенадцать солдат.

Феликс записал имена, которые назвала экономка.

Беатрис прошла вдоль стола. На разделочной доске лежали корни, часть которых уже потеряла свежесть. У стены стояли корзины с яблоками. Сверху плоды выглядели целыми, но внизу темнели влажные пятна.

— Корзины тоже перенесли из старых кладовых?

— Три дня назад.

— Кто их принёс?

— Люди Освальда.

— Сколько корзин указано в списке?

Грета подозвала девушку и попросила принести книгу кухни. Та вернулась с толстым журналом в кожаном переплёте.

Беатрис открыла последнюю страницу.

Почерк был крупным и аккуратным. Двадцать шесть корзин яблок поступили на кухню три дня назад. В расходе значилось четыре.

В помещении она насчитала пятнадцать.

— Где ещё семь?

Грета наклонилась к журналу.

— Их здесь не было.

— Вы расписались за двадцать шесть.

— Я расписалась за доставку по ведомости. Корзины принимал помощник.

— Кто?

— Молодой парень из людей Освальда. Имя не помню.

Феликс записал.

Беатрис закрыла книгу.

— С этого дня никто не расписывается за продукты, пока их не пересчитают. Каждую поставку принимают двое: человек от кухни и человек от кладовой.

— Госпожа Фелтон, — начал Феликс.

— Вы против?

— Распоряжения должны проходить через меня.

— Тогда проверьте.

Капитан осмотрел корзины и журнал.

— Не возражаю.

— Запишите.

— Я уже записываю.

Грета скрыла улыбку, повернувшись к очагу.

Следующие два часа прошли в движении между кухней, временными кладовыми и жилыми помещениями внешнего крыла. Беатрис считала комнаты, кровати, очаги, окна и людей. Феликс шёл рядом, отмечал каждое распоряжение и временами останавливал её, чтобы уточнить военное правило.

В восточном крыле семьи офицеров разместили по четыре и пять человек в комнатах, предназначенных для двоих. Дети спали на тюфяках у стен. В одном помещении треснуло окно, и женщина закрыла щель плащом мужа.

— Почему стекло не заменили? — спросила Беатрис.

— Мастер не может попасть в стекольную кладовую, — ответил Феликс.

— Где она?

— Во внутреннем хозяйственном крыле.

— Временное стекло можно взять из пустого фонаря.

— Фонари входят в военное имущество.

— Ребёнок входит в имущество гарнизона?

Капитан посмотрел на мальчика, сидевшего на кровати в шерстяных чулках.

— Я разрешу снять стекло с двух фонарей.

— С одного. Для окна хватит, если мастер обрежет правильно.

Феликс записал.

К концу обхода Беатрис перестала чувствовать холод в ногах, но усталость после суда и дороги давала о себе знать тяжестью в плечах. Вдовье платье мешало ходить по лестницам, подол собрал пыль и снежную влагу. Она не жаловалась. Люди, которых ей предстояло убедить в собственной полезности, не должны были видеть, что она мечтает хотя бы на минуту сесть.

В коридоре у казарм их догнал посыльный.

— Капитан, генерал требует отчёт.

— Где он?

— В штабной комнате.

Беатрис направилась следом.

Гектор стоял у карты. За время их отсутствия писари собрали первые сведения. На столе лежали списки жильцов, работников и помещений.

— Что обнаружили? — спросил он.

Феликс протянул записи.

— Число яблок расходится с ведомостью. Мешки с мукой отсыревают из-за неправильного хранения. В восточном крыле переполнены комнаты, одно окно повреждено. Госпожа Фелтон изменила порядок приёма продуктов и распорядилась разобрать два военных фонаря.

— Один, — поправила Беатрис.

Гектор прочитал список.

— Вы нашли доказательства кражи?

— Пока только недостачу.

— Семь корзин яблок.

— И неизвестное количество других продуктов. Нужно сверить все ведомости.

— Освальд Тисс утверждает, что передал кухне всё по списку.

— Где он?

— Ждёт в коридоре.

Гектор приказал впустить кладовщика.

Освальд Тисс оказался сухощавым пожилым мужчиной с длинными седыми усами. Он поклонился генералу, капитану и лишь затем Беатрис.

— Вы отвечаете за кладовые? — спросила она.

— С тех пор как госпожа была ребёнком, — ответил он.

— Тогда объясните, почему из двадцати шести корзин до кухни дошли девятнадцать.

— Дошли все.

— Грета видела пятнадцать. Четыре уже использовали.

— Значит, остальные тоже использовали.

— В книге расхода их нет.

Освальд повернулся к Гектору.

— Господин генерал, я служу короне тридцать лет.

— Ответьте на вопрос госпожи Фелтон.

Кладовщик поджал губы.

— Я передал двадцать шесть корзин своему помощнику.

— Как его зовут? — спросила Беатрис.

— Лем Сорн.

Имя не было похоже на уже встречавшиеся, но Беатрис всё равно повторила его, чтобы запомнить.

— Где он сейчас?

— Не знаю. После обеда ушёл помогать с разгрузкой.

Феликс отправил солдата искать помощника.

— Кто приказал переносить продукты из старых кладовых? — продолжила Беатрис.

— Комендант.

— Почему?

— Сказал, что нижние помещения нужно освободить.

— Для чего?

— Не объяснил.

— Вы осматривали кладовые после переноса?

— Каждый день.

— Сколько запасов там оставалось пять дней назад?

Освальд назвал цифры. Феликс сверился с ведомостью.

Беатрис слушала и считала. Пятьдесят мешков муки, тридцать две бочки солений, двенадцать бочек сушёной рыбы, сорок корзин корней, двадцать шесть корзин яблок и другие припасы.

— Кто запирает кладовые в последний раз?

— Я.

— Каким ключом?

Освальд показал связку на поясе.

— Он открывает дверь сейчас?

— Нет.

— Попробуем.

Гектор взял со стола лампу.

— Идём.

Они вернулись во внутренний двор. Ночь уже опустилась на крепость, но золотые лампы под галереями горели ярче, чем раньше. Снег отражал свет, и двор казался просторнее.

Дверь в хозяйственное крыло находилась под северной аркой. Освальд вставил ключ, но тот не повернулся.

Беатрис осмотрела замок. На железной пластине был изображён колос.

Она перебрала семейную связку. Четвёртый ключ имел похожую насечку.

— Капитан, — сказал Гектор.

Феликс подошёл к Беатрис, готовый наблюдать за каждым движением.

— Я помню условия, — произнесла она.

Ключ вошёл в замок.

Когда Беатрис повернула его, дверь открылась, но лампы внутри не зажглись. Из коридора пахло холодом, влажным камнем и застоявшимся воздухом.

Гектор поднял лампу.

— Я впереди.

— Вы не знаете, куда идти, — сказала Беатрис.

— Освальд знает.

Кладовщик шагнул следом за генералом. Беатрис и Феликс вошли после них.

Коридор уходил в глубину крыла. Справа располагались комнаты для хранения тканей и посуды, слева — лестница к нижним кладовым. На полу лежал слой пыли, но по нему проходили следы.

Свежие.

Беатрис остановилась.

— Здесь кто-то был после закрытия двери.

Гектор опустил лампу.

Следы принадлежали нескольким людям. Они шли к лестнице и возвращались обратно.

— Освальд?

— Мои люди не входили сюда, — ответил кладовщик.

— Крепость закрыла дверь пять дней назад, — сказал Феликс. — Следы могли остаться раньше.

Беатрис присела, коснулась края отпечатка.

— Пыль осела после них. Но возле стены есть свежая царапина.

На каменном полу тянулась светлая линия, оставленная тяжёлым предметом. Она вела от лестницы к одной из боковых комнат.

Гектор открыл дверь.

Внутри стояли пустые полки.

Освальд поднял лампу и побледнел.

— Здесь были бочки.

— Сколько? — спросила Беатрис.

— Двенадцать.

— Что внутри?

— Масло для кухонь и ламп.

Комната была достаточно холодной, чтобы дыхание людей стало заметным. На полу остались круглые следы от бочек и полосы, по которым их тащили к выходу.

— Через главную дверь вынести их не могли, — сказал Феликс. — Она закрыта.

— Значит, есть другой выход, — ответила Беатрис.

Они спустились к нижним кладовым. Первая дверь открылась её ключом. Внутри стояли мешки и корзины, но ряды выглядели неровно. Освальд утверждал, что оставлял между ними проходы.

Теперь часть мешков была сдвинута к стенам, словно кто-то освобождал место.

Беатрис взяла ведомость у Феликса и начала считать.

Они проверили один ряд, затем второй. Числа расходились.

Не хватало восьми мешков муки, трёх корзин кореньев и двух бочек сушёной рыбы.

— Это невозможно, — повторял Освальд. — Я считал лично.

— Когда? — спросила Беатрис.

— За день до закрытия.

— Кто был рядом?

— Лем и двое грузчиков.

Гектор посмотрел на капитана.

— Найдите Лема Сорна.

— Посыльный уже ищет.

— Пусть перекроют все выходы из крепости.

Беатрис продолжила осмотр. В дальней части кладовой полки стояли вплотную к стене. Одна из них была пустой, хотя соседние оставались заполненными банками с сухими травами для кухни и мешочками пряностей.

Она подошла ближе.

На полу возле ножек виднелись свежие борозды.

— Эту полку двигали.

Освальд покачал головой.

— Она стоит здесь много лет.

— Тогда царапины старые?

Он наклонился и провёл пальцем по светлой полосе.

— Нет.

Гектор поставил лампу на бочку.

— Отодвиньте.

Феликс и Освальд взялись за края полки. Дерево оказалось тяжёлым, но поддалось. Полка с глухим скрипом отошла от стены, открывая участок каменной кладки.

Сначала Беатрис увидела только неровные блоки и потемневший раствор. Затем свет лампы лёг на небольшую металлическую пластину на уровне её бедра.

В центре пластины находилась замочная скважина.

На плане крепости за этой стеной не было ни комнаты, ни прохода.

Глава 3. Подпись среди пепла

Замочная скважина скрывалась в стене так искусно, что без сдвинутой полки её невозможно было бы заметить. Металлическая пластина повторяла цвет камня, а по краям шёл узор из переплетённых каштановых ветвей, стёртых временем до тонких линий.

Гектор поднёс лампу ближе.

— Освальд, вам известно об этой двери?

Старый кладовщик присел перед пластиной и провёл пальцами по одному из каменных швов.

— Я работаю здесь тридцать лет и впервые её вижу.

— Полку когда-нибудь отодвигали?

— Для уборки отодвигали, но до стены оставалось меньше ладони. Никто не говорил, что за ней есть замок.

Беатрис осмотрела борозды на полу. Старые царапины уходили к стене и терялись под свежими следами. Полку двигали много раз, однако прежде её разворачивали под углом, не открывая металлическую пластину полностью. Тот, кто пользовался тайной дверью, знал, насколько далеко нужно сд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.